

**ВАЛЕРИЯ
КЛЕМАНС**

**ДОЛИНА
БАБОЧЕК**

Валерия Клеманс

Долина бабочек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57479401

Издательство «Эксмо»;

Аннотация

Это история о подростках. Главная героиня заводит дневник, в котором описывает, с чем сталкиваются она и окружающие: издевательства в школе, предательство друзей, слепое доверие, низкая самооценка, нездоровые отношения и т.д. Герои стараются пройти через испытания, встречающиеся им на пути. Содержит нецензурную брань.

Пролог.

Звуки. Огромная палитра. И никак не удается поймать тишину. А надо ли?

Дождь. Слышна каждая капля, ударявшаяся в окно.

Снова шум. На этот раз от настенных часов: пробило девять.

Летнее утро.

В здании было холодно: отключена система отопления. В одном из кабинетов находились два человека. За большим письменным столом, заполненным бумагами, папками и фотографиями, сидела молодая женщина с платиновыми волосами, собранными в строгий пучок. На вид ей было не больше тридцати лет. Напротив, в едва ли мягком кресле, располагалась бледная тощая девушка. Её впавшие глаза, синие круги под ними, скулы, нос, острые ключицы, кудрявые каштановые волосы, лежавшие на плечах, худые руки – эти черты сразу же врезались в поле зрения миссис Харрингтон.

– Дорогая... почему бы тебе не попить воды?

Ответа не последовало. Девушка продолжала молчать и устало смотреть на письменный стол.

– Рианна... Как ты себя чувствуешь?

Пациентка перевела грустный и смущенный взгляд на женщину, сидевшую напротив неё, подняла брови, повела головой и пожала плечами.

– Ты знаешь, почему находишься здесь?

Молчание. Рианна опустила глаза, повернула голову чуть

левее и усталилась в пол.

– Смотри, я здесь, чтобы помочь тебе... Тебя нашли без сознания в лесу, судя по твоему состоянию, ты некоторое время не ела. Это должно что-то значить, верно? Ты уже около недели ничего не говоришь.

«Что мне это даст? – подумала Рианна, – Поможет ли мне разобраться во всем? И хочу ли я вообще помощь? Но она ведь нужна мне. А если я не хочу?»

Девушка потеряла виски.

«Но когда ты находишься в отчаянном положении, пребывая на лечении, тебе оказывают помощь, почему бы не перестать упрямиться и принять её? Прекрати строить из себя дуру, Рианна. Если ты сама не нашла выход, если ты не можешь справиться со всеми демонами, тебе предлагают помощь, вот она, перед тобой, почему ты ее отталкиваешь? Ты человек. Тебе никто ничем не обязан, мир не крутится вокруг тебя, так что перестань строить из себя невестку что. Ты сдалась, да, но не умерла же, поэтому не всё потеряно, как тебе кажется. Борись.»

«Совсем умом поехала, сама с собой разговариваю.»

– Рианна?

Девушка дернулась. Голос миссис Харрингтон возвращал Рианну из своей головы напрямик назад, в кабинет. Посмотрев задумчиво на врача, наконец ответила, сипло и тихо:

– Но... О чем я могу говорить с вами?

Женщина на пару секунд затаила дыхание, размышляя, с

чего именно начать.

– Ты же знаешь, что у нас есть твой дневник?

Девушка молчаливо опустила взгляд и стала смотреть на свои коленки.

– Рианна? – переспросила миссис Харрингтон.

– Вы его... Читали?

– Да. Я должна была изучить твоё личное дело.

– Но... Что я тогда могу вам рассказать, если вы... всё знаете?

Миссис Харрингтон изучала ее выражение лица. Усталость усугубляла вид Рианны, подчеркивая и увеличивая уровень её худобы.

– Я хочу послушать тебя. Люди не всё вносят в дневник, верно? Что именно ты записывала? Не каждый же день?

– Нет... Только те вещи, которые меня тронули. В такие моменты я не хотела ни с кем говорить, поэтому и вела дневник, чтобы разобраться в себе, в своих чувствах, эмоциях.

– Тебе нужно начать говорить. О себе, как ты живешь... жила до того, как попала сюда. Поделись со мной тем, что тревожит тебя, и в скором времени ты... Ты попробуешь отпустить прошлое, чтобы двигаться дальше.

– Но... – задумалась девушка, – Тогда... с какого момента мне рассказывать?

Миссис Харрингтон улыбнулась, немного подалась вперед и произнесла:

– Пожалуй, с того, когда всё началось.

Часть первая.

Глава 1

Истинные лица спрятаны у всех на виду.

15.05.2015

Проблема взросления состоит в том, что время идет быстро, и порой ты не успеваешь идти с ним в шаг. Всё кажется новым, неожиданным, захватывающим, интересным и небеспрепятственным. Но правда в том, что рано или поздно отрицательные впечатления начинают превосходить над положительными.

Меня зовут Риа Асанна Фридман, все называют меня Рианной. Я считаюсь одним из тех самых максималистов, как любят нас называть взрослые за «определенное видение мира». На самом деле, некоторые подростки начинают видеть дерьмо, происходящее в реальности. Кто-то понял, что его друзья – лицемеры и предатели. Кто-то заметил, что есть люди без личного мнения и взгляда на жизнь, которые следуют и подчиняются командам одного человека или некоторой группе лиц. У одних есть проблемы в отношениях с родителями, другие пережили трагедию, чью-то смерть, болезнь или болеют на данный момент.

Достаточно много всего случается с подростками, не все понимают, как иногда тяжело они справляются с теми или иными ситуациями.

Моя же история, думаю, начинается с маленького мало-

известного городка Саунд-Айленд в штате Джорджия. Я переехала сюда осенью прошлого года и поступила в местную школу. В первый же день люди проявили ко мне интерес, так как в данном учебном заведении редко появлялись новенькие. Ребята спрашивали меня, кто я такая, где училась раньше и зачем переехала. Я, о чем очень сильно жалею, решила поведать им об обстановке в прошлой школе: про учеников, которые могли заниматься сексом в кабинках туалетов, про их увлечение наркотиками и про мой страх стать одной из того общества. Я не понимаю, почему я рассказала одноклассникам об этом, почему я была и до сих пор являюсь такой неопытной девочкой с доверчивым сердцем и болтливый языком.

Со следующего дня никто из ребят со мной не разговаривал. Они решили, что я выдумала всё ради привлечения внимания к себе.

За свою жизнь я переезжала много раз. Это связано с работой моего отца. Я сменила четыре школы, повидала достаточно большое количество людей.

Школы различаются порядком, уровнем заботы об учениках и менталитетом. Но сами дети очень похожи друг на друга, что в одном учебном заведении, что в другом. Из класса выделяются определенные группы: ботаники, задроты, спортсмены (или «качки»), школьные «королевы» – лицемерные, двуличные и морально не развитые девушки, привлекающие к себе внимание выдуманными историями,

сплетнями, страницами в социальных сетях и отношениями с популярными парнями.

Но вернусь к самой сути.

Сначала одноклассникам не понравилась моя история, затем они, подслушав разговоры учителей, узнали о финансовых проблемах моей семьи. После этого ребята начали высмеивать мою одежду, обливали меня едой на обеде, запирали в кабинетах, подсобках, туалетах, подставляли, обвиняли в том, что я не делала, обсуждали за спиной, выдумывали новые факты и истории обо мне, воровали вещи. Я была игрушкой, козлом отпущения, но ничего не могла с этим поделать, так как боялась постоять за себя.

Очередным разом был волейбольный матч в декабре 2014 года между командами двух единственн школ Саунд-Айленда. От каждой стороны участвовало трое мальчиков и столько же девочек. Одним из игроков была я.

Хочется немного отойти от повествования и рассказать о главной королеве школы – Саре Кэмпбелл. Девушка, кричавшая на каждом углу о своих умственных способностях, красоте и сексуальности, любила издеваться над людьми, пытаясь, видимо, повысить этим свою самооценку. Она подговаривала своих подпевал воплощать её планы в реальность. Становясь старше, от нее стали «откалываться» люди, осознавая свое положение.

Её поведение связано с проблемами в семье: отец и мать разведены. Закрывшись от мира под выдуманной маской, де-

вочка спряталась, разрушая себя и окружающих людей. Когда я узнала об этом, я засомневалась во всех вещах, в которых я была уверена. Люди не делятся на «качков», королев школы и кого-то ещё. Это просто маска, которая, якобы, позволяет держаться на плаву.

Игра, которую я упоминала ранее, должна была состоять из пяти партий. Наша команда уже находилась в спортивном зале, ребята из другой школы опаздывали. Я стояла на своем месте, ожидая начала.

В один момент меня привлек женский и до костей надоедливый голос. Я повернула голову, хотя могла этого и не делать, так как знала, кому он принадлежит. Сара стояла неподалеку, держала левой рукой мяч, правой указывала на меня.

– Эй, народ, обратите внимание! Кто-нибудь объяснит, что еврейская страшная толстуха Фри забыла на поле? Разве жирных набирают в команды?

В толпе послышались смешки и крики согласия.

За моей спиной раздался чей-то ответ на возгласы королевы школы, ударяя на каждое слово:

– Как остроумно, Сара Аделаида Кэмпбелл, придумать прозвище человеку, исходя из его национальности, внешности, веса и первых трех букв его фамилии, в этот раз ты определенно превзошла себя.

Все повернулись на голос девочки, чьи слова моментом назад потрясли весь зал, – по мнению людей, никто не смел противостоять Саре, иначе репутация того человека упала

бы ниже плитуса.

– О, Бле-е-ейк, – протянула королева школы, – кого я вижу?! Что, потеряла очки и не нашла меня без них, поэтому ударились в первую попавшуюся спину?

По рядам пробежал смех. Одни люди наслаждались, видя, как над кем-то издеваются, другие же пытались сохранить свой статус в толпе, подпевая «главному».

– Лучше открыть глаза и быть нормальным, чем слепо следовать за тобой, – ответила Эмма, уверенно посмотрев на Сару.

На лице школьной королевы отразилось недоумение. В толпе прошел возглас удивления.

– А твое мнение кто-то спрашивал, Толстые Линзы?

Снова смех. Очередной, полный презрения, поддержки Сары, чувства облегчения, что издеваются не над ними, а над кем-то другим. Но я не поняла, что в этой фразе такого забавного, что на нее так реагировали?!

– Кэмпбелл, думаю, тебе нужно подтянуть чувство юмора, а то с такими успехами скоро поклонников растеряешь, – парировала я, уверенно посмотрев на девушку.

Я.

Ответила.

Саре.

Саре-мать-вашу-Кэмпбелл.

Что я сделала, Боже, что?!

– О-о, – протянула она, – Что тут у нас? Жирная карто-

фелина заговорила со мной! Знаешь, я никак не могла себе представить, какой у тебя голос. Всегда думала, что свиньи по-человечески не разговаривают.

– А я думала, что твой ум достаточно хорош, как и твоя репутация, – произнесла я. И откуда у меня появилось столько дерзости и смелости? – Если ты надеялась, что имеешь право унижать людей из-за всего подряд и не получишь за это ничего взамен, то ты глубоко ошибалась, дорогая.

В зале реакция была неоднородной, так как обычно люди реагировали на происходящее одновременно одинаково: свистели, охали, смеялись или пытались это сделать.

– Воу. А я думала, что утро пройдет скучно. Маттиас, Майкл, идите сюда! Оттащите Блейк с поля, сейчас мы повеселимся с той, кто успел отрастить язык.

Через мгновение начался хаос. Хотя, думаю, он и не заканчивался.

Кэмпбелл, державшая мяч всё это время под рукой, кинула его мне в голову. Я, увы, не успела вовремя среагировать. От неожиданности у меня подкосились ноги. Тело по инерции подалось назад, я стала падать.

Снова удар – на этот раз в левое плечо. Я приземлилась на бок. Помню, что не могла встать из-за сильной боли в теле и летевших в меня мячей, ведь большинство находившихся в зале поддержали идею Сары. Я почувствовала, что начала отключаться.

В сознание меня привел чей-то крик. Кто-то взял меня на

руки. Раздавался топот нескольких человек.

Пришла в себя я уже на лестнице. Испугавшись тех, кто находился рядом, задергалась и упала. Вскочив, я побежала вперед, на четвертый этаж, где был открыт вход на смотровую площадку на крыше. Пока люди, вынесшие меня из спортивного зала, сообразили, что произошло, я успела попасть в место, куда направлялась, и спрятаться за ограждением. Обессилев, села на пол и облокотилась спиной о стенку. Через некоторое время услышала топот и голоса, которые не могла разобрать.

– Это... ведь... подсудное дело, – задыхаясь, сказала какая-то девушка, – Она ... перешла... за рамки.

– Эммс, Сара уже всем надоела своим поведением и отношением к людям. Ты видишь новенькую? ЭЙ, КРАСАВИЧК, – голос, который я не могла никак узнать, обратился к другому человеку, – как там тебя, Мэтт? Посмотри, нет ли ее в правой части крыши, мы поищем слева.

Я услышала чьи-то шаги, раздававшиеся прямо у меня под ухом.

– К-к-к... – пробубнила я, – Кто эт-т-то?

Дернувшись, я совершенно забыла о боли в теле. Голова стала тяжелой, я заскользила вниз, приземлившись боком на пол.

Троица среагировала достаточно быстро. Подбежав, они перевернули меня на спину.

– А ты, маленькая Ри, боец, – произнес парень.

«Маленькая Ри? – подумала я, – что за...»

– О, Боже... Ты звучишь, как один мой старый знакомый из летнего лагеря, – ответила я. Мой голос звучал тише, чем я предполагала, – Видимо, мне хорошенько повредили голову...

– Твой покорный слуга, – улыбнулся светловолосый человек, державший мою голову.

Я попыталась посмеяться в ответ, но это вышло определенно не очень... мило.

– Боже, Мэтт Дэвис со своими глупыми шутками сейчас находится рядом со мной? – шутливо и всё же недоверчиво спросила я.

Повернувшись к девочкам, я застала их переглядывавшими в недоумении.

– Вы что, спали вместе? – воскликнула Джессика, увидев, что я смотрю на них.

В ответ все четверо засмеялись.

– Джесс, нам пятнадцать, о каком сексе идет речь? – продолжая смеяться, спросила Эмма Блейк.

– И что, что пятнадцать? – удивилась Питерсон, – Николь Джонс переспала со старшеклассником Стивом Сандерсом, когда ей было тринадцать.

– Ну да, эти слухи определенно всё меняют!

В тот момент я почувствовала то, что не испытывала очень давно – облегчение и спокойствие. Отчаявшийся человек.

– Мы... мы познакомились и общались в лагере этим летом, – произнесла я, затем посмотрела на Мэтта, – не знала, что ты живешь здесь.

– А я не знал, что ты переехала из Орегона в эту дыру, – ответил он.

Я попыталась улыбнуться, затем обратилась к ребятам:

– Спасибо, что ... постояли за меня. Огромное спасибо...

С того дня, как ни странно, началось наше общение, плавно перетекшее в дружбу. В школе общались втроем, так как Мэтт учился в другом месте, а после уроков встречались с ним в местном кафе.

Ох, Мэтт... Думаю, стоит написать о том, что он мне нравился, когда мы познакомились в лагере. Я получила от него отказ, но не унывала и просто общалась с ним, как с другом. «Боже, да мне всего лишь пятнадцать!» – думала я.

Я не заметила, как пролетело несколько месяцев. Благодаря трем людям я забывала о существовании тех, кто издевался надо мной, проблемы казались не такими уж серьезными. Мы говорили о политике, об искусстве, о любви.

Близилось моё шестнадцатилетие, я родилась в мае. Ребята уже отпраздновали свои дни рождения в феврале. На самом деле, я была удивлена, что они появились на свет в один месяц.

Шла середина апреля две тысячи пятнадцатого года. Тихий весенний вечер. Домой меня провожал Мэтт, Эмма осталась в школе в драматическом кружке.

По дороге Дэвис рассказывал какие-то смешные истории, суть которых я так и не поняла. В тот момент он вел себя как-то необычно: почему-то заикался, отводил взгляд и... смущался. «Что с ним сегодня? Заболел? Вроде... здоров, иначе бы его мама заперла своего единственного сына в больнице,» – проносилось у меня в голове.

Подойдя к подъезду дома, в котором моя семья снимала квартиру, я собралась обнять Мэтта на прощание, как мы это всегда делали. Но что-то определенно пошло не так. Он взял меня за руку и потянулся к моему лицу. Я успела отвернуть голову в сторону, затем оттолкнула друга. Я пребывала в диком удивлении.

– Что ты делаешь?!

– Я... Я думал... – заикаясь, произнес Дэвис.

– Что ты думал?! – кричала я.

– Ты... ты мне... нра... – пытался сказать он.

«Нравишься? Я нравлюсь ему?! Что?!» – вопила про себя я.

– Ну нет, – перебив Мэтта, я стала говорить, отрицательно трясая головой, – нет, нет, пожалуйста, остановись.

– Рианна, подожди...

– Я абсолютно уверена, что ты не за тем, чтобы сдуть ресницу или убрать какую-то грязь с моего лица, решил наклониться настолько близко к моей голове.

– Риа...

– Когда мы были в лагере, – продолжила я, перебив дру-

га, – ты сказал мне, что я тебя не могу интересовать в романтическом плане. Ты говорил, что я не в твоём вкусе и не могу тебе нравиться, что я слишком низкая, что тебе не нравятся такие... упитанные, как я, – уже почему-то заведенная и яростная, кричала я. Меня буквально понесло.

– Рианна...

– Бож-же мой...

– Подожди...

– Мэтт! – кричала я, ткнув Дэвиса в грудь, игнорируя его попытки заговорить, – Я привыкла к тому, что мы стали друг другу, как брат и сестра!

На глазах проступили слезы. Резко отвернувшись, я побежала домой.

В десять часов вечера, когда родители уже вернулись с работы и благополучно спали, я стала получать сообщения от Мэтта, при этом не отвечала на них:

– Привет.

«Серьезно? «Привет»?» – подумала я. Он продолжал писать:

– Извини, что пытался... я не знал, что делать.

– Я надеюсь, что ты не отвернешься от меня, потому что твоя дружба для меня важна.

– А-а-а... Почему мне так сложно сказать, что я полный идиот?

– Мне и в голову не приходило, что я тебе нравился тем летом. Я думал, что ты так же, как и остальные девочки, хо-

тела быть со мной из-за моей внешности. Извини, я не знал.

«Да, нашел, что сказать. «Внешности»! – произнесла я про себя, – Глаза, нос, рот, брови, голова, конечности. Просто человек. Можно испытывать влечение из-за внешности, но симпатию, влюбленность и любовь биологией не подкупишь, что бы про это ни говорили сотни «поживших» на этом свете людей».

– Эй, ты здесь?

– Я не знаю, как это вышло. Не знаю, когда ты начала мне нравиться.

– Ты же знаешь, что у меня отображается, что ты прочитала сообщения?

– Рианна, если ты не ответишь, я приду к твоей двери и буду звонить, пока ты не выйдешь и не поговоришь со мной!

«Этого мне еще не хватало, чтобы родители проснулись и устроили настоящий хаос, – подумала я, – ладно... Отвечу ему».

– Я здесь.

Временное затишье. Затем последовала надпись «Мэтти набирает сообщение»...

– Завтра воскресенье, я могу с тобой поговорить утром? Часов в 11 на футбольном поле?

«Что? Встретиться и поговорить? Боже мой, – мысли одна за другой пролетали у меня в голове, – Боже мой, Боже, Боже...»

– Пойдет, – отправила я.

«Пойдет? Серьезно? Что я наделала, что?»

Выключив телефон, я легла спать. Проворочилась всю ночь, заснуть так и не получилось. Утром, за полчаса до встречи, я наскоро оделась и выбежала из квартиры.

Шла не быстро, нервно дергая рукав куртки. Не доходя до ворот, окружавших футбольное поле, я заметила Мэтта, смотревшего куда-то вдаль. «Он уже здесь? – подумала я, – Сколько же он ждал меня?»

Я боялась идти к нему. Нас разделяли какие-то шестьдесят метров. Дэвис не видел меня и не знал, что я стою недалеко от него. Как он не услышал шум моих ног, издававшийся при ходьбе?

Через несколько минут ожиданий появления собственной смелости, я всё же двинулась к нему медленными и тихими шагами.

Вдруг я заметила какую-то девушку, направляющуюся к нему.

Я остановилась.

Незнакомка подошла к Мэтту и начала что-то говорить. Она выглядела старше нас, на лет двадцать – двадцать пять. Одета была очень странно для утренней погоды, потому что на улице стоял холод: джинсовая куртка, майка с торчащим бюстгалтером, джинсовая юбка, черные колготки в сеточку и цветные кеды.

Между Дэвисом и этой девушкой происходила дискуссия, перешедшая в ссору. Неожиданно незнакомка притянула за

руку Мэтта и... поцеловала его. И он не оттолкнул, лишь дотронулся до ее плеча.

Меня пробило в жар. Человек, признавшийся мне недавно в чувствах, находился передо мной и засовывал свой язык в чей-то рот.

– Воу. А я думала, что такое бывает только во взрослых фильмах.

Это были мои слова. Не знаю, зачем и для чего я их произнесла. Кажется, что я была обижена, но не понимаю до сих пор, почему. Я сама же закапывала все чувства к Мэтту, я и оттолкнула его вчера. А чего я хотела? Чтобы он признался в том, что испытывал ко мне, я бы некоторое время попсиховала и согласилась быть с ним? Серьезно? Что за детские фантазии?

Парочка, услышав меня, разорвала поцелуй. Дэвис смотрел на меня испуганными глазами, девушка вытирала кончики губ.

– Ну... удачи тебе повеселиться этим вечером, Ромео, – вырвалось из меня, – резинку использовать не забудь. И... – обратилась я к девушке, – Вы хотя бы знаете, что ему шестнадцать?

Прозвучав, как обиженный ребенок, я развернулась и побежала прочь из того места.

– Тебе шестнадцать?! – вопила ошарашенная девушка, – Ты говорил, что тебе двадцать!

– Ри... Рианна! – закричал Мэтт и ринулся за мной.

Через некоторое время я почувствовала его руку у себя на локте.

Всё-таки догнал.

Да еще и развернул к себе.

– Рианна, она ничего не значит.

– Отстань от меня ... – вырываясь, ответила я.

– Рианна, послушай же!

– Иди... иди к черту, Мэтти, – я пыталась освободить свою руку, – Мы больше не сможем общаться, как раньше, понимаешь? – слезы текли по моему лицу. Они уже находились под носом, во рту, капали на грудь.

Я не хотела больше видеть этого человека. Слышать его голос, чувствовать его присутствие, вместе смеяться, наблюдая, как изменяется его выражение лица, обнимать, ощущая тепло, его руки на моей спине.

– Рианна...

«Боже...»

«Кажется, меня сейчас вырвет.»

Схватило живот. Я подумала, если не добегу до подъезда и не попаду домой, то меня стошнит на рубашку Дэвиса.

Еле вырвавшись, я всё же успела добраться до квартиры вовремя.

Всё кончено. Разумеется, у меня даже и мысли не было о том, что я могла бы помириться с Мэттом, сослаться на игру гормонов, а потом смеяться всей компанией над данным происшествием.

Но его попытка поцеловать меня вскружила мне голову. Я злилась, наверное, из-за того, что дружеские отношения нарушены.

Меня вырвало, как только я забежала в туалет квартиры.

Пытаясь прийти в себя, я зашла в ванную, умыла лицо, по несколько раз обливаясь водой.

Сильно тряслись руки еще от не прошедшей истерики.

Принялась вытирать лицо.

Грохот.

Что-то разбилось.

Да нет же... Или да?

Я повесила полотенце и направилась на шум, доносившийся из кухни.

–... Мы не можем переехать на другой конец страны...

– Агата, послушай же...

– Марк, это штат Мэн, ты не думал...

– Мы переезжаем?! – подкравшись, спросила я.

– Очевидно, что да. – отец серьезно посмотрел на меня.

– Марк, Боже, что ты...

«Боже».

У меня не было сил даже о чем-то говорить. Не дослушав разговор родителей, я побежала в комнату, закрыла дверь, взяла телефон и позвонила единственному человеку, кто был всегда рад поговорить о насущном – Эмме. Всё происходило настолько быстро, мне казалось, что я просто сплю и вижу череду страшных снов.

Шли гудки, но ответа не последовало. Я записала аудио-сообщение на автоответчик:

– Эмма... Привет. Нужно срочно с тобой поговорить, потому что столько всего случилось за последние сутки, что я... Боже, мы с семьей переезжаем. Перезвони, как сможешь.

Закончив, я легла на постель и провалилась в глубокий сон.

Разбудило меня уведомление в телефоне, который всё это время лежал у моего уха.

«Сара Кэмпбелл прислала вам голосовое сообщение».

«Что?»

«КТО?»

«Что она делает у меня в контактах?» – подумала я, попутно открывая мессенджер и включая запись.

– Она – сплошной кошмар, типичное клише подростковых сериалов. Её родители какие-то психопаты, довольно часто обзывают ее, иногда могут побить и всё такое. Как что случается, тут же звонит мне, – голос остановился на пару секунд из-за звука полученного уведомления в телефоне, – о, видите, как раз то, о чем я и говорила, – далее человек включил аудио, – «Эмма... Привет. Нужно срочно с тобой поговорить, потому что столько всего случилось за последние сутки, что я... Боже, мы с семьей переезжаем. Перезвони, как сможешь». Перезвони, как смо-о-ожешь! – передразнивая, сказал голос и начал смеяться, – Терпеть её не могу.

На этом запись оборвалась.

«Эмма?»

Боже.

«Что же ты наделала... Что я наделала?»

Слезы.

Очередные.

Почему я не могу их контролировать?

И почему я сразу не поняла, что это был всего лишь цирк?

Ночью я смогла проспать где-то четыре часа. В понедельник я пришла в школу рано – в половине восьмого утра. Поднявшись на смотровую площадку, я подошла к ограждению у края крыши и посмотрела на утреннее небо, на котором начали собираться тучи.

Дул сильный холодный ветер, обжигавший кожу.

Через минут двадцать я услышала шаги с лестницы, но не придала этому особого внимания. Было абсолютно всё равно, застучает ли кто-то меня.

– Я знала, что найду тебя здесь, – донесся голос, – Как ты? Боже, не знаю, как буду учиться дальше без тебя...

– Я думаю, ты знаешь, – сразу же перебила я его, узнав в нем подругу, всё так же стоя спиной к выходу.

Эмма удивленно произнесла:

– Что ты...

Я достала из кармана телефон и включила запись. Ту самую, подтверждавшую, что всё это время надо мной просто издевались. Почему я не могла постоять за себя, не поддаваться, защищаться? Почему я так просто сдалась и позво-

лила людям отрываться на мне?

Потому что я боялась. Боялась сделать такой шаг, своей реакции и реакции людей. А вдруг бы не получилось защитить себя? Вдруг всё стало бы намного хуже? Почему я такая слабая?

Я обернулась к девушке. С каждым словом, доносившимся из аудио-сообщения, лицо Эммы искажалось в испуге. Бледная, она смотрела на меня, ожидая, что ей всё это лишь показалось. Когда запись закончилась, Блейк замотала в отрицании головой:

– Н-н-нет, Рианна, это не то, что ты... Когда мы тебя вытащили из зала, в то время... Я очень злилась на Сару за то, что она сдала меня предкам, когда я пыталась сбежать на вечеринку к Льюису, на которую её не пригласили... А потом мы, вроде как, помирились, и я... Всё пошло не так, как... Ты же знаешь... Все в курсе, что у неё проблемы в семье, и я...

– Поддерживала её, поливая меня дерьмом и обсуждая меня? Спасибо огромное за такую «дружбу». Твои тайны, истории и истерики я никому не передаю, тогда почему ты сделала это со мной? Что я сделала, Эмма? Кто я такая, чтобы оказывать мне столько внимания? Я самый обычный человек. Руки, ноги, голова, туловище, учеба в школе, планы на будущее. Я. Самый. Обычный. Человек! – я заливалась слезами, – Просто человек! Я не центр Вселенной! За что, Эмма? За то, что меня спросили о моей прошлой школе, а я

рассказала, как есть? За то, что у моих родителей маленькая зарплата? Что же поделать, если врачам маленьких городков мало платят? За то, что я не поддерживаю идеологию Сары?

– Рианна... – Эмма потянулась ко мне руками, я же оттолкнула их.

– Нет! – крикнула я, – Послушай, пожалуйста, сейчас меня, потому что... Почему ты так со мной? Почему ребята так со мной? Что я сделала вам? – всхлип. Я стерла новый поток слез с щек, – Или... Причина в том, что я не защищалась и пыталась всё это игнорировать? А что, если я бы защитилась? До меня бы донесли в искаженном виде или сделали из меня игрушку с новыми функциями? Издевались бы надо мной для того, чтобы видеть цирк? Попросить помощи у школы бесполезно, с этими детками высокопоставленных родителей, ничего перед собой не видящих, включая собственных чад, их поведение и отношение к жизни, меня бы попусту оставили ни с чем. Ещё бы и отчислить могли. Если пытаться, то я пыталась. В начальной школе стала давать отпор, но меня чуть не исключили, и вот, в декабре. Что со мной сделали? Закидали мячами. Эмма, за что? За то, что я думала, что игнорирование проблемы избавит меня от неё? Что не так, Эмма? Что я не притворилась подлизой? Что не выдумала о себе что-то грандиозное? Что просто не молчала? Извините меня за болтливость, но будто вы совершенно не говорите! Что мне делать? Эмма... Я всегда выслушивала тебя, поддерживала. Мы проводили вместе время, ходили в

торговый центр, смотрели кино, ночевали вместе, делились сокровенным, помогали друг другу, а потом выясняется, что всё это – сплошная ложь.

– Риа, мне так... – девушка поднесла руку к своему лицу и прижала ладонь ко рту. Слезы лились рекой, глаза лишь приоткрыты. Затрясла головой, – Боже, мне так жаль, Ри... – она снова потянулась ко мне, но я отошла на шаг назад.

– И... – продолжила я, – Говоря, что я клише, сначала посмотри на себя. Ты постоянно придиралась ко мне насчет моей одежды, что ко мне будут нормально относиться, если я буду красиво одеваться. Но я... не хочу... и не собираюсь подстраиваться под общество и плясать под дудку тех, кто не будет для меня иметь никакого значения лет так через пять. И ты... постоянно повторяешь фразочки людей, не выражая свои мысли так, как хочешь на самом деле. «Это дерьмо, чувак», «Жизнь – дерьмо», « Чува-а-ак», «Дерьмо-о-о». Да и... оказалось, – Боже мой, – что из тебя так и хлещет двуличность. Джессика тоже на две стороны живет, да? Да?! – повысила я голос, – А, впрочем, – отвернулась я, раскинув руки, – Это уже и не важно, – я отошла на пару шагов к лестничной площадке, – Знаешь, что? – подвела я итог, еще раз взглянув на девушку, прежде чем спуститься в учебное крыло, – Надеюсь, ты будешь в порядке.

04.06.2015

Доверие – очень сложная вещь. Люди говорят, что его нужно заслужить, доверять можно только самым близким

людям, например, семье, друзьям или любимому учителю. Но почему-то никто не упоминает о предательстве.

Очень тяжело понять, с каким человеком ты общаешься. Не нужно говорить, что никому нельзя доверять, потому что человек просто психологически взорвется. Но хочу сказать, что не следует выдавать остальным то, что тебе доверили и о чем попросили молчать.

Люди чаще всего могут оказаться двуличными лгунами и подлецами, и эта правда жизни меня пугает. Я боюсь того, что таким человеком могу оказаться и я.

Когда-то давно я услышала одну фразу: «Лучше лишний раз промолчать, чем что-то сказать». Но она подходит не под все ситуации.

У меня была знакомая, которая уже как полгода не жила в Саунд-Айленде, пыталась покончить с собой из-за своей ориентации. Она жила в семье верующих в Бога и ярых гомофобов.

Верующие считают, что с людьми нетрадиционной ориентации нельзя водиться, ведь они будут гореть в аду за грехи. Но если для них ориентация – это грех, то почему они забывают о том, что Иисус спас осужденную женщину? Кто же тогда сказал: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень»?

Не понимаю я общественные предрассудки. «О, он же гей, ужас какой», «Смотри, какая она толстая», «У него столько много прыщей», «У нее такие странные глаза», «Ты ви-

дел его уродливый нос?», «Он такой худой, это отвратительно», «Он черный, значит отсталый», «Евреям нельзя доверять, они же воры и обманщики», «Итальянцы – психопаты», «Русские – дикари» и тому подобное. Что такого ужасного в национальности, расе, ориентации? Откуда в людях столько всего негативного? Почему они не хотят спокойно жить?

18.06.2015

Оставшееся время до окончания учебного года я провела в полном одиночестве.

Я тосковала по прошлому. Скучала по неведению, которое делало меня счастливой. Но я радовалась тому, что наконец поняла, кто меня окружал всё время, проведенное в Саунд-Айленде.

Предательство и послужило причиной создания этого дневника. Я успела запутаться в себе. В голове был такой сильный пожар, что я первое время не понимала, что делать. Я думала, что, может, я во всем виновата, что не нужно было мне открывать себя перед кем-то и бездумно доверять. Но точно могу сказать, что хорошие воспоминания всё-таки остались, хоть мне и подарили их люди, скрывавшие свои истинные лица.

Глава 2.

Первый взгляд обманчив.

20.06.2015

Не все люди такие, какими кажутся на первый взгляд. Под плотным доброты и улыбок могут скрываться достаточно

разносторонние и непонятные люди. У каждого есть свои скелеты в шкафу.

Я была трехлетним ребенком, когда мой отец впервые причинил мне физическую боль: ударил ногами по бокам за то, что я зашла в незакрытую ванную комнату, в которой, оказалось, находился он.

Через три года папины приступы гнева начали расти. Думаю, это несправедливо – бить своего ребенка. Иногда я, признаюсь, просто невыносима: пытаюсь себя защитить, споря, пререкаясь и хамя. Но зачем применять насилие вообще против кого-то или, как говорят некоторые, «во благо воспитания»?

Я просто ужасна. Лучше бы защищала себя от других людей, а не от родителей. Любят ли они меня? Не знаю. Может быть. Меня никто и не обязан любить. Но я люблю их.

Недавно я заметила, что папины приступы гнева стали происходить внезапно и непонятно из-за чего.

Папа – крайне раздражительный человек с довольно высокой самооценкой. Никогда не считается с чужим мнением, признает только своё. Не любит, когда кто-то высказывает свою точку зрения, всегда стоит на своей, даже если она неверная. Очень редко принимает свои ошибки, чаще всего считает всех вокруг виноватыми. Извиняется за содеянное не потому, что понял, что натворил, а для того, чтобы от него поскорее все отстали. Не следит за тем, что говорит, не знает, что своими словами может причинить боль.

Но когда я была маленькой, этот человек не спал ночами, потому что я тяжело засыпала, тренировал меня, иногда помогал, когда дети издевались надо мной или учителя были несправедливы. Бывает, редко, мне удастся нормально поговорить с ним. Даже по душам. Выходит очень мило и естественно для отношений отца и дочери. Что я там писала о разносторонности и непонятности?

А мама...

Всё свое детство она провела у бабушки с дедушкой. Лишь когда ей исполнилось тринадцать лет, ее родители вспомнили о существовании дочери и забрали подростковую Агату к себе домой.

Пожив некоторое время среди новых, но генетически родных людей, она заметила, что ее отец был неверен своей жене – матери Агаты.

Самостоятельно развиваясь, моя мама выросла с довольно сложным характером, спрятав себя настоящую внутри и никого не подпуская достаточно близко.

Мама всегда найдет, что сказать, но может наговорить лишнего. Никогда не признает свои ошибки и не раскаивается. Иногда выслушивает мои бредни и пытается в чём-то помочь, но чаще всего ей всё равно на то, что ей рассказывают.

Родители чем-то напоминают качели. В одно время они добрые и приветливые, но момент спустя могут выпучить глаза и орать на всех и всё, что встретится на их пути или

попадет в поле зрения.

Баланс плохого и хорошего есть, но иногда он нарушается, и запоминающимися моментами почему-то становятся больше отрицательные события, нежели положительные.

Может показаться, что я выставляю себя какой-то святошей по сравнению с остальными людьми. Но нет, это совершенно не так.

Я вспыльчивая. Знаю характеры родителей и их отрицательные черты, всё равно умудряюсь создать ссору своими попытками «ответить» и защититься. Почему я не могу просто заткнуться и игнорировать их выпады, из-за которых я создаю свои?

Лезть в огонь – глупо. Лучше вести себя нормально и быть счастливым, чем начинать бессмысленную войну.

Я сильно заикливаюсь на ошибках, которые совершила. В прошлом я много врала, относилась предвзято и не смотрела на человека с целью понять его.

Еще я не разбираюсь в людях. Боже, да конечно же я не разбираюсь, ведь откуда мне знать их полностью?

Из-за этого я и умудряюсь во всём довериться человеку, дарю свою душу, а в конце мне вставляют нож в спину. Зачем я это делаю? Почему я такая болтливая, Боже мой? Искренне надеюсь, что когда-нибудь избавлюсь от этого.

Я идеализирую людей. Вижу их такими, какими себе их представляю, а не такими, какими они на самом деле являются. К примеру, с первого взгляда человек показался вер-

ным – я и буду думать до последнего, что он верный, пока жизнь не докажет обратное.

Нельзя жить в воображаемом мире, потому что когда-нибудь он обрушится на тебя. Нужно пытаться принимать всё, как есть, ничего не придумывая и не улучшая у себя в голове.

А ещё... Может, это называется эгоцентризмом, а может, и вовсе нет... Я... Я бы хотела нормального отношения к себе. И любви в семье. Я нуждаюсь в любви, потому что не могу дать это себе. Полюбить себя.

Но почему?

Потому что я погрязла во всем происходившем и происходящем.

Я позволила людям внушить мне, что я бесполезна, что я лишь груша для битья. Не личность. Предмет для издевок. Просто мусор, никому не нужный. А, нет, нужный лишь для того, чтобы использовали, как козла отпущения.

Может, всё происходит потому, что я надеюсь, что всё изменится? Верно говорят, что надежда ни к чему не приведет. Нужно действовать, а не сидеть в уголке и надеяться на перемены.

Может, я когда-нибудь смогу отпустить всё и наконец полюбить себя, тогда я не буду хотеть любовь других, тогда и эгоцентризм пропадет.

Что же мне делать?

25.06.2015

Интернет, разумеется, вещь особенная для большинства

людей. Одни используют его для обучения, другие – вместо кинотеатра и телевизора. Я же любила проводить время в онлайн-играх.

В одной из них я познакомилась с пятью людьми, которые со временем стали моими друзьями: Кристофер, Элли, Мэдисон, Роджер и Вайлет.

Люди говорят, что по интернету не стоит ни с кем знакомиться, так как сеть кишит извращенцами, хакерами и маньяками.

Идеализация кого-то или чего-то, бездумная решительность и беспечность – мои слабые стороны.

Пообщавшись, я узнала, что ребята так же, как и я, страдали от издевательств и чувства одиночества. Мы стали доверять друг другу, помогать справляться с определенными ситуациями и оказывать поддержку.

Особое внимание ко мне начал проявлять Кристофер Брэдшоу. Часто писал личные сообщения.

Не знаю, как я умудрилась позволить ему вскружить мне голову, но я с каждым моментом всё больше доверяла Кристоферу.

Понятия не имею, почему я решила делиться с ним тайнами. Может, я настолько разочаровалась во всем, была в отчаянии и искала поддержку. Я никогда не думала о том, что это могло бы обернуться чем-то ужасным для меня, ведь дружба с человеком, с которым знакомишься через интернет – вещь не очень-то и безопасная.

Глава 3.

Переезд.

13.10.2015

Господи, что же я наделала.

Странное, однако, начало новой записи.

Я довольно долго не писала. В голове происходит полное месиво, и кажется, что я нахожусь среди него.

Я стала ненавидеть себя. От моей самооценки почти ничего не осталось. Я терпеть не могу свое отражение в зеркале, черты лица, тело.

Я вешу шестьдесят семь килограммов при моем росте: метр и шестьдесят три сантиметра.

А еще здоровье подвело: падает уровень сахара в крови, теряю сознание, испытываю боли в животе.

Участились ссоры с родителями. Дошло до того, что отец с порога начинает орать, плевать на всех желчью и отвращением. Стал снова меня бить, при этом мама никак на это не реагирует.

В начале учебного года я, как большинство людей, находящихся в новом коллективе, пыталась завести общение с одноклассниками.

Всё, на самом деле, шло нормально.

Пока однажды отец, придя домой с работы, во время очередной истерики не ударил меня головой об батарею.

И тут понеслось.

Такое ощущение, что я после этого решила пуститься во

все тяжкие: стала ссориться с учителями, которые что-то говорили против моих работ. Однажды я закатила сцену, что у меня якобы биполярное расстройство, и никто не имеет права лезть ко мне с претензиями на счет моего почерка или манеры говорить.

Я раскидывалась историями о своих проблемах налево и направо, продолжая съезжать с катушек, и вот, буквально сегодня, я, видимо, пришла в себя.

Что же я делаю... Как можно после всего этого доверять самой себе? А если бы родители осуществили что-нибудь похлеще, то я бы превратилась в сумасшедшего изгоя, избивающего всех подряд и сносящего всё на своем пути?

Не понимаю, зачем я прогнулась под своими же эмоциями, зарыв глубоко здравый смысл.

Создается ощущение, будто я сошла с ума, но это вовсе не так. Из-за того, что человек не справляется, он может начать резко воспринимать действительность. Особенно в подростковом возрасте.

29.11.2015

Столько воды утекло.

Если бы меня спросили полгода назад: «Рианна, как ты относишься к тем, кто зарыл свою личность и носит маску?», то я бы ответила, что отрицательно, ведь люди, которые прячутся таким образом, слабы. Сейчас я, видимо, стала одной из них. Я медленно прятала себя настоящую и делала из себя человека, который интересен обществу: позитивный, весе-

лый, без проблем, помогающий. Самое страшное – мне комфортно в этом образе. Людям нравится общаться со мной... с тем, кем я притворяюсь, стали считать меня «своей».

Я терпеть себя не могу. А еще боюсь того, что настоящая я в очередной раз позволит всё испортить. Позволит над собой издеваться.

Я стала замечать некую странность в одном человеке. Он постоянно попадает в мое поле зрения. Создается ощущение, будто он преследует меня, следя за мной в столовой, в библиотеке, на курсах по первой медицинской помощи, хотя этот человек даже не состоит в группе, по дороге домой. Я даже как-то поинтересовалась у людей ради «просвещения», – бредовый повод, чтобы узнать что-то, не правда ли, – кем был этот парень.

Питер Барнз. Молчаливый и странный одноклассник, ходит на историю, науку и английский со мной, живет в противоположной стороне от моего дома.

Несмотря на все действия этого человека, смахивавшего на маньяка, я заметила, что Питер выглядел крайне... потерянно. Что-то было в его глазах... Потухшие, отражавшие сильную тоску и одиночество.

Я встретила одного из его, можно сказать, товарищей, и нерешительно спросила его о Барнзе.

– А ты не знала? – ответил парень, которого зовут Джордж Браун, – у него умер отец от рака. Думаю, Пит с того момента «заинтровертился» и стал избегать людей.

Как легко и беспечно люди могут отзываться о чужой беде.

«Забавно же он избегает людей, преследуя меня.»

«Может, мне это кажется.»

«Уж слишком я эгоцентрична, Боже мой.»

«Жизнь не крутится вокруг тебя, Рианна, опомнись.»

«Боже, что я делаю?»

14.12.2015

– Зачем ты... – пыталась я сказать человеку, с которым говорила уже десять минут.

– Ещё раз ты такое скажешь, скотина, сдам тебя в детский дом, – доносилось из моего телефона.

– Ну и пожалуйста! – в сердцах закричала я, – Почему ты никак не поймешь, что ты причиняешь боль? ЭТО БЫЛА ВСЕГО ЛИШЬ ПОСУДА, ВСЕГО ЛИШЬ ТРИ ТАРЕЛКИ! Разве это повод для того, чтобы кричать на меня и бить?! Алло? АЛЛО?! – из трубки послышались быстрые гудки, – Чёрт... ЧЁРТ!

Почему ты никак не поймешь... Никак не поймешь...

Почему я не могу понять элементарную истину, что лучше никак не реагировать на выпады родителей, нужно успевать делать всё к их приходу?

Я прекрасно знаю, какие они, но всё равно лажаю, не успеваю где-то убрать, вымыть. Нужно всё делать сразу, а не оставлять на потом.

А-а-а-а.

Как же болят глаза.

Яростный, наполненный злостью и обидой, взмах рукой.

Звонкий удар телефона о стенку.

Я схватилась за голову и опустилась на колени. С лица стекали слезы.

«Ну нет. Так не годится.»

«А ну живо вставай.»

«Приди в себя, не плачь.»

Мир кружился, местами дергался. Тяжело дыша и задыхаясь, я подняла голову вверх, глубоко вздохнув. Шорох.

В дальнем углу, между шкафчиками, кто-то стоял.

Боже мой.

Вытерев глаза рукавом, я еле поднялась, не убирая взгляд от неудачно спрятавшегося человека, направилась прямо к нему, разъяренная, всё еще никак не придя в себя от недавнего телефонного разговора.

Питер. Питер Барнз. Стоял и хлопал удивленными глазами, испуганно уставившись на меня.

– Что... ты здесь делаешь? – тяжело дыша, произнесла я.

– Я просто...

– Ты что-нибудь услышал? – спросила я, подойдя ближе к Питеру.

– Н-ничего, – ответил Барнз, попытавшись соорудить серьезную мину, – и вообще, – продолжил он, – может, я просто решил пройти мимо, откуда ты знаешь?

– Ты ведь пытался вжаться в проем, когда я увидела тебя.

– Может, я из этикета решил не показываться тебе на глаза, вот и ждал, пока ты уйдешь, чтобы я дальше мог заниматься своими делами...

– Ага, вот оно что... Слушай, – сказала я, вытирая оставшиеся слезы с лица, – Могу я тебя спросить?

– Н-н-ну, наверное, да. Ты уже спрашиваешь, – испуганно произнес он.

– Ты что-то хотел узнать у меня? – как прямолинейно, – Не знаю, может, мне показалось, но я видела, как ты... пару раз... ходил за мной.

Черт знает, что. Рианна, что ты делаешь?

– Правду говорят, что девушки преувеличивают и думают, что в них влюбляются все подряд. – усмехнулся Питер, всё также испуганно глядя на меня.

– На прошлой неделе... у меня пропал лифчик.

– Воу, ну и подробности.

– Ты знаешь, что у входа в основную женскую раздевалку, откуда у меня и исчез предмет одежды, есть камеры видеонаблюдения. Они там стоят, наверное, для того, чтобы выявлять подобные ситуации. Посмотрев записи с них, девушки из школьного совета и учительница Кан увидели тебя.

– Ч-чего? – попытался он невозмутимо ответить мне.

– Ты рылся в моих вещах и убежал с моим лифчиком.

– Н-н-о...

– Я не хотела, чтобы совет вызвал тебя. Не хотела, чтобы над тобой после этого издевались.

Не желая и не имея сил продолжать разговор, я развернулась и направилась к переходу в основной ученический корпус.

– П-по-подожди! – крикнул Питер мне вслед, пытаясь догнать.

– Что? – я остановилась.

– Это правда, что ты... Это правда, что ты спрашивала обо мне?

– Что спрашивала? – ответила я, но через мгновение поняла, о чем он говорил, – О...

– Да, – он подходил всё ближе, – то, что тебе стало интересно, почему я... Джордж сказал, ты была в замешательстве, предположила, что у меня родители в ссоре, в разводе или какого-то члена семьи нет. Могу, кстати, сказать, что ты была права на этот счет...

«Стоп.»

«Он пытается со мной поговорить?»

«По-дружески?»

– погоди, – попросила я, – это не моё дело, извини. Я не должна была совать свой нос в чужие дела...

– Одиночество в глазах? – Питер не дал мне договорить, – У меня умер отец пять лет назад.

– Боже, – я схватилась за голову и оглянулась по сторонам, собираясь убежать, – именно этого я и боялась...

– Чего боялась? – успев перехватить меня, спросил он.

– Подобных разговоров! Отпусти мою руку, пожалуйста.

– Но...

– Дай мне уйти. Просто... мне пора.

Вырвавшись, я наконец смогла убежать.

15.12.2015

Странно. Всё это.

Абсолютно странно.

Нужно рассказать кому-нибудь о Питере.

Хоть кому-нибудь.

Человек преследует меня, ворует моё нижнее бельё.

Родителям бессмысленно. Разве они поверят? Может, учителям? А что они могут сделать? Что-то предпринять? А потом полезут слухи. Может, даже выдумают, что я шлюха или обиженная кинутая девушка.

А если спросить у ребят? Нет, нельзя, боюсь, что снова всё испорчу.

16.12.2015

– Ты вытрахала мне уже весь мозг! – кричал он. Его вопли разносились по всему коридору. Не знаю, почему я выбираю телефоны с таким громким динамиком.

– Пап, я ведь потеряла сознание сегодня! Давление опустилось до 80 на 40, что же мне делать, если ты не хочешь помочь? Это уже третий раз, когда я падаю в обморок... Почему тебе всё равно? Так же, как и маме? Почему вы не разрешаете мне идти к врачу?

– Потому что никакого хрена не надо, чтобы ты шла к нашим коллегам, после чего все бы у нас на работе узнали, что

наша чертова дочь психически не здорова.

– При чем тут мое психическое здоровье, пап?!

– Как ты, черт тебя дери, смеешь повышать свой тон, личинка недоразвитая?

– Почему ты не слышишь меня? Почему, почему, ПОЧЕМУ?!

Послышались быстрые гудки. Тяжело дыша и задыхаясь, я выронила из руки телефон. В очередной раз плакала, заливаясь слезами и сильно трясясь.

Я даже не могу сходить к врачу без разрешения родителей.

Чьи-то шаги.

Развернувшись, я увидела компанию мальчиков из компьютерного кружка, прогуливавшихся по безлюдному корпусу. Кажется, сюда и правда ходят либо с кем-то переспать, либо вместе провести время, либо, как я, поговорить по телефону, в надежде, что никто ничего не услышит.

Среди ребят я узнала Питера Барнза. Заметив меня, он что-то сказал им и направился ко мне.

Я попыталась вытереть лицо, собрать вещи с пола и быстро уйти. Не хотелось сталкиваться с преследователем.

Когда я потянулась за телефоном, Питер схватил меня за руку и развернул к себе.

– Опять он? – спросил Барнз, – Опять?

– Что? Кто он? – сказала я, не посмотрев на одноклассника.

– Как кто? Как и в прошлый раз! Твой о...

«Только не это. Нет, нет, нет...»

– Стой, – я прервала его, – отпусти меня, пожалуйста, мне нужно уйти...

– Ты же знаешь, что я всё слышал в прошлый раз.

– По...

– Я никому не рассказал, честно! – ответил он, заглушив мою речь.

– Ты...

– И я никому не расскажу, обещаю!

– Дай же мне закончить! – выкрикнула я, – Спасибо, конечно, что никому не сказал, но я не хочу общаться с тобой. Извини, но я думала, что ясно дала понять тебе это еще в понедельник.

– Потому что ты одинока, – он отпустил мою руку.

Я повела головой.

«Что он только что сказал?»

– Я... Ни в ком не нуждаюсь, – произнесла я, начав собирать свои вещи с пола и закидывать их в сумку.

– Ты рассказывала о себе и о своих проблемах всем подряд, но сейчас не можешь рассказать мне то, что тебя так сильно вол...

– Тогда я была не в себе, ясно? – уже с раздражением ответила я, – Бывает, что человек переживает стресс и съезжает с катушек. Я очень сожалею о содеянном и постараюсь больше не повторять такое, но я тебя прошу, пожалуйста, не

лезь ко мне. Я правда не хочу ни с кем сближаться.

Собрав до конца сумку, я взяла её и направилась к двери.

– Я потерял отца, – раздалось у меня за спиной, – а ты ненавидишь своего за то, что он издевается над тобой и ведет себя, как законченный говнюк.

– Что? Я никого не ненавижу. Это ты ведешь сейчас себя, как законченный говнюк, влезая не в своё дело, – ответила я, – Ты перешел границу. Я, пожалуй, пойду.

Мелодия.

Зазвонил мой телефон. Решив двинуться дальше, не обращая внимания на Питера, я взяла трубку и ответила на звонок.

– Алло, пап...

– Чтобы дома не попадалась мне на глаза, ты поняла меня? – разнесся по школьному коридору голос отца. С этими же словами разговор, если его можно было так назвать, оборвался.

Опять. Опять затряслись руки. Опять я стояла, как вкопанная, будто бы никогда не слышала от отца подобных слов. Снова накатывала истерика.

Крик.

Отчаянный, вырвавшийся из горла.

Я кинула в стенку новый телефон, и он повторил судьбу старого.

Зажмурила глаза из-за того, что их прожгло новой порцией слез.

Согнулась и присела на корточки. В этот момент подбежал Питер, опустился на пол и обнял меня.

– Я-а-а-а не-е-е м-о-гу-у-у... – пыталась произнести я, но из-за слез и одышки не могла нормально говорить.

– Всё хорошо, всё хорошо, – говорил Барнз достаточно тихо и быстро.

Я всхлипывала в ответ.

Осознав, что нахожусь достаточно близко к Питеру, я оттолкнула одноклассника и встала.

– Что... ты делаешь?

– Рианна...

– Нет. Питер, пожалуйста, не надо. Мы ведь не в сериале, не в фильме, не в мультике и не в книге про утопическое счастье, помощь друг другу, любовь, танцы и всё такое. В жизни люди не слушают философов, пытающихся спасти общество от разрушения и дерьма, не принимают свои ошибки. Они вбили себе в голову, что их мнение самое важное во всем мире. Гордые и эгоистичные придурки. Поэтому, думаю, помочь себе смогу только я.

Спасти себя. Ага, конечно. И как же ты это сделаешь, идиотка? Ты не любишь себя, как же ты спасешься?

– Но ты же не железная! – прокричал он уходящей мне вслед.

Пытаясь собраться с мыслями и силами, я вытирала лицо. К горлу подкатывала еще не ушедшая истерика.

Удивительно, что в этом корпусе не бывает учеников.

Хорошо, что меня никто не увидел.

Кроме Барнза.

Ну вот. Снова подкосились ноги, и я упала, заплакав. Питер подбежал, перевернул меня на спину, посадил, облокотил мою голову на его плечо. Помню, что он постоянно повторял:

– Всё хорошо, всё когда-нибудь станет нормальным, всё хорошо...

21.12.2015

Я стала с ним общаться.

Почему-то как-то удивительно.

Может, потому, что мне кажется, что люди не такие, какими кажутся на первый взгляд. Или я всех гребу под одну гребенку в этом случае?

Кажется, я на самом деле нуждалась в человеке, который, возможно, понимал бы меня. Или хотя бы слушал. Видимо, это связано с тем, что у меня низкая самооценка, я считала и до сих пор считаю себя слабой, потому что не смогла справиться со всем в одиночку.

Глава 4.

Эмоции и чувства не должны контролировать твой разум.

12.01.2016

– Сегодня чудесный день! – воскликнула я, передавая Питеру свою тарелку супа.

Есть совершенно не хотелось.

– Я еще не доел предыдущую порцию, а ты мне новую

подсовываешь, – жуя, пробубнил Барнз, – ты так сильно хочешь на урок танцев?

– А что, ты не любишь подобные мероприятия? – я достала из портфеля учебник истории, – Что мы сегодня будем проходить?

– Положи книгу назад, всё равно будет замена. Учительница Кан заболела.

– Значит, сегодня мы послушаем Джорджа Брауна?

– В этот раз он подготовил кое-что интересное. Джо при мне повторял свою речь, крича на компьютер.

– Забавный же он, – ответила я, – Так... что там с танцами?

Друг поперхнулся. Он положил ложку, вытер рот рукавом и посмотрел на меня.

– Питер?

– Думаю... Думаю, тебе не стоит туда идти.

– Почему? Ты уже какой день уваливаешь от вопроса, переводишь тему или убегаешь.

– Просто не ходи, ладно?! – закричал он, неожиданно стукнув по столу.

Раньше он так не делал.

– Ты же знаешь, я всё равно пойду, так как это официальный урок, а не внеклассное занятие.

– Я не буду тебя вытаскивать из передраги, которая может возникнуть! Давай поговорим о другом?

– Сегодня наше занятие посвящено политике, – медленно произнес мистер Эбберт, сидевший за учительским столом, – кто мне скажет, почему нет мира во всём мире?

– Опя-я-ять начинается, – донеслось с задних парт, – очередная философская муть.

– Потому что это невыгодно, – ответил мой одноклассник Джордж Браун, – и никогда не было.

– Для кого же? – спросил мистер Эбберт, радуясь, что хоть кто-то проявил желание отвечать на его вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.